

**ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 1896**

№ 4.

**СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛЕТІЕ. ЧАСТЬ
СССІV. АПРЕЛЬ С. 276-306.**

**БЫЛИНЫ ОБЪ ИВАНЪ
ГОСТИНОМЪ СЫНЪ.**

Иванъ Гостиный принадлежитъ къ *diiminores* нашего эпоса. До года изданія 3-го выпуска пѣсенъ П. Кирѣевскаго (61 г.) объ Иванѣ Гостиномъ, извѣстны были только двѣ былины: одна въ сборникѣ Кирши Данилова (№ 4), другая записанная въ фрагментарномъ состояніи Кирѣевскимъ въ Валдайскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Когда вскорѣ затѣмъ Рыбниковымъ, а за нимъ

Гильфердингомъ былъ открытъ богатый былинный репертуаръ Олонецкой губерніи, обоимъ изслѣдователямъ удалось записать не болѣе 5 вариантовъ былины объ Иванѣ Гостиномъ и притомъ отъ сказителей довольно посредственныхъ. Въ репертуарѣ выдающихся знатоковъ былинъ — Рябина, Калинина, Романова, Касьянова, Фепонова, Прохорова, Щеголенка и др. — былины объ этомъ лицѣ не оказались. Это уже одно свидѣтельство о томъ, что похождение Ивана Гостиного не пользовалось широкой популярностью. Дѣйствительно, былина о немъ почти лишена дѣйствія: Иванъ Гостиный не совершаетъ никакихъ подвиговъ; онъ только счастливый собственникъ чудеснаго коня, превосходящаго всѣхъ коней князя Владимира. Весь интересъ былины сосредоточивается на сценаріи: описаніи коня, приготовленіи его къ

состязанію и выигрышѣ заклада, даже безъ скачки. Такая былина могла представлять интересъ, главнымъ образомъ, среди любителей и цѣнителей лошадей. Иванъ Гостиный — эпическій предокъ богатаго російскаго купечества, увлекающагося лошадинымъ спортомъ. Самъ по себѣ онъ всего менѣе герой, такъ какъ находится въ полной зависимости отъ своего бурушка косматаго, который служитъ ему службу, какъ многочисленнымъ другимъ Иванамъ нашихъ сказокъ. Почему одинъ изъ такихъ сказочныхъ эпизодовъ, краткихъ и малосодержательныхъ, получилъ такъ называемый *motif erique*, былъ обработанъ въ былинѣ Владимірова цикла — это вопросъ, на который мы едва-ли когда нибудь найдемъ положительный отвѣтъ. Конечно, мы можемъ гадать, какъ академикъ А. Н. Веселовскій, что

дошедшая до насъ былина, о состязаніи Ивана Гостиного съ Владимиромъ конями только эпизодъ, отторгнутый отъ болѣе подробнаго разказа о походе этого лица, но эти предположенія, какъ увидимъ ниже, заслуживаютъ болѣе вниманія по остроумію и смѣлости комбинацій, чѣмъ по доказательности.

Не смотря на существованіе пяти олонецкихъ записей и одной новой сибирской (С. И. Гуляева) до сихъ поръ вариантъ Кирши Данилова можетъ считаться болѣе полнымъ и долженъ быть поставленъ на первое мѣсто при восстановленіи древнѣйшаго вида былины. Припомнимъ его содержаніе и затѣмъ рассмотримъ другія записи.

Обычный пиръ у князя Владимира въ Кіевѣ. Князь вызываетъ желающаго состязаться въ скачкѣ съ его 300 жеребцовъ и особенно съ тремя похваленными:

«Сивъ жеребець, да кологривъ
жеребець,
И которой полонень воронко въ
Большой ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ сынъ
Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина
Змѣвича».

Скакать надо изъ Кіева до
Чернигова «промежь обѣдней и
заутренею». Обычное хороненіе
большаго за меньшаго нарушается
тѣмъ, что присутствующій на пиру
Иванъ Гостиной сынъ принимаетъ
княжескій вызовъ. Повторивъ
полностью слова князя объ его
жеребцахъ, онъ бьется о великъ
закладъ,

— Не о стѣ рубляхъ, не о
тысячѣ

О своей буйной головѣ. —

За князя Владимира держать поруки
крѣпкія во 100 тысячахъ не только

князя и бояре, но и гости корабельщики, повидимому, ближайшіе товарищи такого же гостя Ивана; за Ивана поручился одинъ владыка черниговскій, почему то очутившійся на пиру у князя въ Кіевѣ и почему то заинтересовавшійся такимъ спортомъ, неприличествующимъ высокой духовной особѣ. По совершеніи *письменнаг о* акта, Иванъ идетъ въ конюшню, падаетъ своему бурочкѣ, косматочкѣ троелѣточкѣ въ правое копытчко, плачетъ, что рѣка течетъ, и разказываетъ коню о своемъ закладѣ. Конь человѣческимъ голосомъ говоритъ, Ивану, что онъ не боится ни сива жеребца, ни кологрива, въ задоръ войдетъ и у воронка уйдетъ. Затѣмъ даетъ хозяину такое, наставленіе:

— Только меня води по три
зари,
Медвяною сытою пои

И сорочинскимъ пшеномъ
корми.
И пройдутъ тѣ дни срочные,
И тѣ часы урочные,
Придетъ отъ князя грозень
посоль
По тебя-то Ивана Гостиного,
Чтобы бѣгати-скакати на
добрыхъ коняхъ, —
Не сѣдай ты меня, Иванъ,
добра коня,
Только берись за шелковъ
поводокъ,
Поведешь по двору
княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу
соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей.
Поведешь по двору
княженецкому,
А стану, де, я, бурка, передомъ
ходить,
Копытами за шубу посапывати,

И по черному соболу
выхватывати,
На всѣ стороны побрасывати,
Князи-бояра подивуются.
И ты будешь, живъ, шубу
наживешь,
А не будешь живъ, — будто
нашиваль. —

Иванъ сдѣлалъ все по приказу
коня. Его бурушка, выхватывая
копытами, по соболу изъ шубы,
рявкаль при томъ по туриному и
шипѣль по змѣиному. Эффектъ
произошелъ поразительный:

Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора
разбѣжались:
Сивъ жеребець двѣ ноги
изломилъ,
Кологривъ жеребець тотъ и
голову сломилъ,
Полонень воронко въ Золоту
Орду бѣжитъ,

Онъ хвостъ поднявъ, самъ
всхрапываетъ;
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купеціе.
Окарачъ они по двору
наползалися;
А Владимиръ князь съ княгинею
печалень сталь,

.....

Кричитъ самъ въ окошечко
косящатое:
«Гой еси ты, Иванъ Гостиной
сынъ!
Уведи ты уродья со двора
долой:
Просты поруки крѣпкія, записи
всѣ изодраныя».

Эти слова понимаемъ мы такъ, какъ О.
Миллеръ, то-есть, что князь объявляетъ
закладъ съ обѣихъ сторонъ
упраздненнымъ то-есть, дѣлаетъ
попытку отказаться отъ

обязательства¹). Но въ пользу Ивана принимаетъ мѣры его поручитель.

Втапоры владыка Черниговскій,
У великаго князя на почестномъ
пиру,
Велѣль захватить три корабля
на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣль похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими:
— А князи, де и бояра никуда
отъ насъ не уйдутъ. —

Отмѣтимъ нѣкоторыя черты этой записи прошлаго столѣтія. При перечисленіи трехъ похваленыхъ жеребцовъ князя Владимира упоминается, какъ лучшій, воронко, отнятый Ильей Муромцемъ у Тугарина Змѣевича въ Большой Ордѣ. Это — любопытное указаніе на извѣстность слагателю одного изъ вариантовъ той старинной былины, которая дошла до

¹ *Прость* въ значеніи *порожній, пустой*; срав. рублемъ *прость* сталь, — то есть утраченъ рубль. Что ступишь то рублемъ прость. См. Толковый словарь Даля с. v.

насъ въ записяхъ XVII и XVIII вѣковъ и разказываетъ о поѣздкѣ русскихъ богатырей; съ Ильей Муромцемъ во главѣ въ Царьградъ, гдѣ Илья беретъ въ плѣнъ Тугарина и отбираетъ у него коня. Современному былинному репертуару Олонецкой губерніи этотъ сюжетъ неизвѣстенъ, но на прежнюю извѣстность его указываетъ находеніе рукописной записи XVII вѣка этой былины въ Турчасовской волости Олонецкой губерніи²). Можно поэтому предположить, что вариантъ Кирши попалъ въ Сибирь еще въ то время, когда былина о походе Ильи съ Тугариномъ, именно о полоненіи Ильею чуднаго коня, входила въ репертуаръ сѣверныхъ сказителей. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что другая *сибирская* же запись былины объ Иванѣ Гостиномъ сохранила ту же подробность о происхожденіи третьяго

² См. Е. Барсова — Богатырское слово, стр. 5.

коня Владимирова. По этой былинь,
записанной Гуляевым³), князь
говорить:

«Кто изъ васъ, бояры, охочъ
пиво пить?

Кто изъ васъ охочъ пить зелено
вино?

Кто изъ васъ охочъ, пить
сладкій медь?

Кто охочъ скакать на добромъ
конѣ,

Отъ Кіева скакать до Чернигова

Тридевяносто мѣрныхъ версть,

Съ моимъ-то со первымъ
синегривымъ жеребцомъ,

Съ моимъ-то со вторымъ
кологривымъ жеребцомъ,

Съ моимъ-то третьимъ полоненымъ
воронкомъ,

³ Русскія былины старой и новой записи, отд. II, стр. 190 и слѣд.

Который полонень въ хороброй
Литвѣ

У татарина Тугарина Измѣевича?

Полониль воронка Илья Муромецъ,

Воронкомъ онъ князя жаловаль».

Царьградъ (Богатырское Слово),
Большая орда (Кирша Даниловъ) и
Литва (Гуляевъ) свободно замѣняютъ
другъ друга: извѣстно, что наша
эпическая географія во всѣхъ этихъ
мѣстахъ знаетъ татаръ.

Въ отличіе отъ обѣихъ сибирскихъ
былинъ и старинныхъ записей XVII и
XVIII вѣковъ, современные олонецкія
былины уже не знаютъ, что лучшей конь
князя Владимира принадлежалъ прежде
Тугарину Змѣевичу. Только одна запись
(Гильфердингъ № 307. Швецова),
называющая Ивана Гостиного Иваномъ
Годиновичемъ и посадившая вмѣсто
князя Владимира въ Кіевѣ князя Ивана
Васильевича, запомнила «полоненаго

воронка Ильи Муромча», хотя уже не знаетъ, у кого онъ былъ полонень. Позволяемъ себѣ вывести, что разсмотрѣнная подробность обѣихъ сибирскихъ записей (Кирши Данилова и Гуляева) черта древняя, принадлежавшая первоначальной редакціи былины.

Другая интересная черта варианта Кирши Данилова роль владыки Черниговскаго: онъ одинъ беретъ на поруки Ивана Гостиного. Въ другихъ записяхъ¹⁾ былины упоминается письменный договоръ съ рукоприкладствомъ, но не говорится о личныхъ поручителяхъ. Однако по странному капризу памяти, сказитель именно того одного варианта, въ которомъ Иванъ названъ *Годиновичемъ* и Владимиръ замѣненъ Иваномъ Васильевичемъ упомянулъ подробность о поручительствѣ, причемъ, *horribile*

¹ Рыбниковъ, III, № 34; Гильфердингъ, № 135.

dictu, мѣсто почтеннаго владыки
Черниговскаго занимають личности
всего менѣе почтенныя:

Написали записи крѣпкія,
Къ записямъ-то руки
прикладывали.

По князѣ-то всѣ поручаются,
По Иванѣ-то никто не
поручается,

Поручилося двѣ голи двѣ
кабацкія²).

Введя такихъ поручителей,
слагатель долженъ былъ ихъ
отблагодарить. Получивъ съ князя
«золоту казну», Иванъ

Зашель въ конторы питейныя,
Откупилъ двѣ бочки зелена вина:

Гой вы есть мои поручители!
Пейте зелено вино
безденежно»¹).

² Столбецъ, 1307.

¹ Столбецъ, 1309.

Введеніе голей кабацкихъ какъ въ эту, такъ и въ другія былины должно быть отнесено на счетъ работы старинныхъ “веселыхъ людей скомороховъ”, внесшихъ въ изобиліи кабацкій и гривуазный элементъ въ нашъ былевой эпосъ. А что скоморохи дѣйствительно внесли былину объ Иванѣ Гостиномъ въ свой репертуаръ, это видно изъ весьма типическаго запѣва, которымъ открывается былина въ вариантѣ, записанномъ въ Новгородской губерніи:

«Нашему хозяину честь бы
была,

Намъ бы, ребятами, ведро пива
было:

Самъ бы испиль, да и намъ бы
поднесъ.

Мы, малы ребята, станемъ
сказывати,

А вы, старички, вы послушайте» и т. д. ⁴).

Немудрено, что какой-нибудь скоморохъ, другъ-пріятель голей кабацкихъ, выдвинулъ ихъ на почетное мѣсто поручителей за Ивана на княжескомъ пиру въ Кіевѣ. Посадили ли сказитель голей кабацкихъ прямо на мѣсто какого-нибудь иного поручителя — трудно сказать. Можно только думать, что въ наиболее древнемъ изводѣ былины поручители упоминались, и что въ противоположность другимъ записямъ запись Кирши Данилова а также Гильфердинга № 307 сохранила черту старины. Отмѣтимъ, что роль владыки Черниговскаго не имѣетъ въ нашемъ эпосѣ: тотъ же владыка, при сходныхъ обстоятельствахъ, держитъ одинъ сторону Алеши Поповича. Когда этотъ

⁴ Киръевскій, III, стр.1.

богатырь вызываетъ на бой Тугарина
Змѣевича въ Кіевѣ:

Втапоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки
держатъ,
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесять, крестьяне
по пяти рублевъ,
Туть же случилися гости
купеческіе, —
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ
Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ
владыка Черниговскій ³).

Это мѣсто въ былинѣ изъ того же
сборника Кирши Данилова можетъ
служить комментариемъ къ поступку
владыки Черниговскаго въ былинѣ объ

³ Кирша Даниловъ № 7 = Кирѣевскій, II, стр. 77.

Иванъ Гостиномъ. Очевидно, въ послѣдней былинѣ недоговорено, что гости-корабельщики “три корабля свои подписывали” подъ князя Владимира въ его закладѣ съ Иваномъ Гостинымъ. Эти самые 3 корабля, когда князь проигралъ пари, велить владыка Черниговскій захватить на быстромъ Днѣпрѣ, не довѣряя честности гостей-корабельщиковъ, причемъ заявляетъ, что князья и бояре (поручившіеся не товарами, а деньгами) никуда отъ насъ (то-есть владыки и Ивана) не уйдутъ. Личность владыки Черниговскаго съ его властною ролью въ Кіевѣ уже забыта въ Олонецкихъ записяхъ былины объ Иванѣ Гостиномъ, но сохранилась, какъ черта старины, судя по сборнику Кирши Данилова, въ сибирской колоніи нашего эпоса.

Для исторіи позднѣйшей передѣлки былины объ Иванѣ Гостиномъ, постигшей ее въ устахъ олонецкихъ

сказителей въ періодъ, послѣдовавшій за перенесеніемъ ея въ Сибирь, имѣеть значеніе и присутствіе купецкаго элемента въ вариантѣ Кирши Данилова: на пиру у князя Владимира сидятъ не только князья-бояре и русскіе могучіе богатыри, но и гости-корабельщики, которыхъ корабли съ товарами заморскими стоятъ на Днѣпрѣ. Ни въ одной изъ олонецкихъ записей эти гости торговые не упоминаются. Спрашивается, внесены ли они сибирскимъ сказителемъ въ XVIII вѣкѣ или наоборотъ позабыты олонецкими, другими словами, присутствовали ли гости-корабельщики въ древнѣйшемъ изводѣ былины. Я склоненъ думать, что въ олонецкихъ вариантахъ въ данномъ случаѣ произошла утрата старинной черты подъ вліяніемъ обычнаго зачина былинъ кіевского “богатырскаго” эпоса. Въ огромномъ большинствѣ этихъ былинъ, гдѣ разказъ идетъ о подвигахъ

того или другого богатыря, находимъ вылившуюся въ установленную форму эпическую картину пира Владимира съ князьями-боярами, русскими могучими богатырями или паленицею удалою. Въ такихъ былинахъ съ боевымъ содержаніемъ купцамъ, гостямъ-торговымъ нѣтъ мѣста. Немудрено, что при значительномъ вліяніи стереотипныхъ эпическихъ картинокъ въ нашемъ устномъ эпосѣ въ данномъ случаѣ олонецкіе сказители опустили одну характерную подробность былины объ Иванѣ, подобно тому, какъ глухое воспоминаніе о личномъ поручителѣ за Ивана побудило дать эту роль двумъ голямъ кабацкимъ. Труднѣе было бы объяснить мотивы, по которымъ сибирскій сказитель XVIII вѣка вставилъ въ свой пересказъ былины гостей корабельщиковъ и владыку Черниговскаго, если бы этихъ личностей не было въ древнѣйшей

редакціи. Нельзя не отмѣтить, что и въ наличныхъ олонецкихъ записяхъ, купецкій элементъ еще не вывѣтрился окончательно. Самъ герой былины *Гостиный* сынъ: коня своего онъ пріобрѣлъ не богатырскимъ способомъ, а куплею, какъ торговый человѣкъ, имѣющій дѣло съ иностранными землями. О своемъ конѣ онъ говоритъ князю:

Есть у меня маленькой бурушко,
Селяточкомъ купленъ былъ *за моремъ*,
За селяточка дано было
пятьсотъ рублей,
Съ пошлиной съ провозомъ
сталь въ тысящу ¹⁾.

Такимъ образомъ, Иванъ Гостиный хорошо знакомъ съ купецкими дѣлами, съ покупкой за моремъ, съ пошлиной и съ провозомъ. Какъ богатый гость, онъ щеголяетъ дорогимъ костюмомъ —

¹⁾ Гильфердингъ, № 307, столб. 1307.

шубой соболиной въ три тысячи съ пуговками въ пять тысячей. Мало того, какъ купецъ-самодуръ, щеголяетъ пренебреженіемъ къ драгоцѣнной одеждѣ. Ему хочется произвѣсти эффектъ богатствомъ:

Сталь онъ коня по двору
поваживать,
Сталь конь его за, шубку
похватывать,
По черному соболю
подергивать,
Туть всѣ собрались князи-
бояра,
Всѣ стоятъ, всѣ дивуются,
Всѣ говорятъ таково слово:
— Глупый Иванъ Гостиный
сынъ!
— Спортить твою шубу добрый
конь:
— Этой бы ты шубой подарилъ
князя Владимира.

— Онъ простилъ бы тебя во
великой вины.

Душка Иванъ Гостиный сынъ

Говорить имъ не съ упадкою:

«Глупые вы, князи и бояра!

«Живъ молодець, — шубу
наживу,

А помреть молодець, — шубу
держиваль!»²).

Здѣсь съ одной стороны купецкое
щеголянье богатствомъ, съ другой
взглядъ бояръ на Ивана, какъ на купца,
который, по обычаю, долженъ былъ бы
роскошную вещь поднести князю.

Согласно съ купецкимъ обычаемъ, и
пари Ивана съ княземъ носить дѣловой
характеръ. Въ большинствѣ
пересказовъ тщательно отмѣчается, что
договоръ заключается на *письмѣ* съ
рукоприкладствомъ:

«Туть скоро написали письма
крѣпкія

² Рыбниковъ, III, стр. 199.

И приложили ручки бѣлыя» ¹).

Имѣя въ виду эти «купецкія» черты современныхъ олонецкихъ пересказовъ, думаемъ, что варіантъ Кирши Данилова, упоминающій на ряду съ этими подробностями еще корабельщиковъ на пиру Владимира и личного поручителя за Ивана, сохранилъ черты большей древности.

При обзорѣ олонецкихъ варіантовъ былины мы можемъ ограничиться лишь такими отдѣльными подробностями, которыхъ нѣтъ въ былинѣ Кирши Данилова и поставить вопросъ, входили ли они въ основной изводъ.

Такъ въ фрагментарномъ варіантѣ; записанномъ Кирѣевскимъ въ Новгородской губерніи изображается скачка коня Ивана Гостиного, но не впуски съ конями князя Владимира, а въ Кіевѣ, хотя неизвѣстно откуда.

¹ Рыбниковъ, III 198, ср. Гильфердингъ, №№ 135, 307. Кирша Даниловъ, № 7.

«Онъ бѣгомъ побѣгалъ по
пятидесять версть,
Скокомъ поскакалъ по
семидесять версть.
Въ тотъ ли то городъ Кіевскій,
Въ Кіевскій въ Володимирскій
Засипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному:
Вся эта вода всколыхалася,
Вси господа испужалися,
Вси по каменнымъ полатамъ
разбѣжались..²)

Въ пересказѣ у Кирши Данилова Иванъ Гостиный не скачетъ на конѣ ко двору князя, но ведетъ его «за шелковъ поводокъ». Такимъ же способомъ доставляетъ Иванъ Гостиный коня въ вариантахъ Гильфердинга №№ 133, 135. Но въ пересказахъ Гильфердинга № 307, Рыбникова, III, стр. 199 и Тихонравова-Миллера, № 55, Иванъ

² Кирьевскій, III, стр. 4.

привзжаетъ къ князю на своемъ конѣ. Кажется, *приведеніе* коня архаичнѣе: оно болѣе удобно для дальнѣйшей детали, именно той, что ведомый на поводу дикій конь выхватываетъ ударами копытъ по черному соболу изъ шубы пѣшаго хозяина. Чтобы сохранить эту оригинальную подробность, сказителю Андрею Иванову (или его учителю) пришлось нѣсколько распространить разказъ: конь Ивана выхватываетъ у него по соболу изъ шубы, въ то время когда хозяинъ водить его на поводу по своему двору, куда, конечно, понадобилось привести и князей-бояровъ, такъ какъ иначе безъ такихъ свидѣтелей поступокъ коня былъ бы безцѣленъ. Затѣмъ уже на другой день Иванъ осѣдываетъ коня и скачетъ на немъ ко двору князя ¹⁾. Другой сказитель (или его источникъ) Швецовъ заставляеть Ивана,

¹ Рыбниковъ, III, стр. 198 и 199.

прискакавъ на княженецкїй дворъ не воротами а прямо чрезъ стѣну городовую, поставить коня среди двора и «порывавъ» (то-есть попихивать) его шубой соболиною, причемъ цѣль попихиванья неясна, такъ какъ сказитель не упомянулъ о выдергиваніи конемъ соболей изъ шубы. Наконецъ неизвѣстный сказитель варианта, записаннаго Гуляевымъ въ Барнаулѣ, увлекшись, какъ и раньше названные, готовой эпической картинкой сѣдланія коня и скачки чрезъ стѣну, не сумѣлъ сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Андрей Ивановъ, картину порчи конемъ соболиной шубы своего хозяина. Позволяемъ себѣ вывести, что эта подробность принадлежала древнѣйшей редакціи былины.

Въ одномъ только олонецкомъ пересказѣ (Швецова), съ Иваномъ Годиновичемъ, княземъ Иваномъ

Васильевичемъ и съ голями-поручителями, оказывается у Ивана Годиновича матушка родимая, которая по возвращеніи его съ пира ставить ему обычные эпическіе вопросы:

«Что же ты не весель, не
радошень пришоль?

Мѣсто было тебѣ не по разуму,
Али чара-то была развѣ не
рядовая,

Княгиня въ пиру развѣ
обезчестила тебя?»

Иванъ разказываетъ ей о своемъ закладѣ, и она даетъ ему совѣтъ пойти въ конюшню и пасть коню въ ноги ²).

Не трудно догадаться, что мать внесена сюда по эпической аналогіи, вѣроятнѣе всего изъ былинъ о Добрынѣ-змѣборцѣ, которому мать даетъ извѣстный совѣтъ. Выводить изъ одного и притомъ довольно плохаго

² Гильфердингъ, № 307, столб. 1307.

варіанта, что мать принадлежала основному изводу, нѣтъ основанія.

Наконецъ, въ одномъ пересказѣ (Рыбниковъ, III, № 34, стр. 200) за обычнымъ концомъ слѣдуетъ еще добавка. Расплатившись съ Иваномъ Гостиномъ, князь Владимиръ говорить ему:

— Душка Иванъ Гостиный сынъ!

— Подари-тко мнѣ добра коня;

— Мнѣ-ка князю не на комъ повыѣхать.

Душка Иванъ Гостиный сынъ

Говорить ему не съ упадкою:

«Ты Владимиръ князь Стольно-Кіевской!

Мой конь купленъ въ Большой Орды,

Въ Большой Орды изъ-подъ матери.

За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,

А съ проводинами сталъ цѣлу
тысящу.

Развѣ Владимира конемъ
подарить?»

Какъ подарилъ Владимира
добрымъ конемъ,

Владимиръ князь Стольно-
Кіевскій

Сказалъ своимъ конюхамъ:

— Подите-тко, мои конюхи,

— Возьмите вы коня добраго,

— Душка Ивана Гостиного,

— Сведите въ конюшню
бѣлодубову,

— Кормите пшеной бѣлояровой

— И пойте медомъ сладкимъ.

Скоро прибѣгаютъ его конюхи,

Творятъ жалобу великую:

«Конь душки Ивана Гостиного

Пшены не ѣсть и меда не пьетъ,

Скрычалъ онъ по звѣриному,

И засвисталъ онъ по змѣиному,

И прибилъ онъ всѣхъ
жеребчиковъ».

Владимиръ князь Стольно-
Кіевскій
Сказаль душки Ивану
Гостиному:
— Что не надобенъ мнѣ твой
добрый конь,
— Мнѣ не надобенъ, поѣзжай
домой! ¹⁾).

Относительно этой развязки можно согласиться съ мнѣніемъ акад. А. Н. Веселовскаго, что она «несомнѣнно, собрана изъ мотивовъ, раньше встрѣчавшихся въ пѣснѣ: звѣриный покрикъ бурушки перенесенъ къ концу изъ того эпизода былины, гдѣ онъ впервые является во дворѣ князя; что онъ купленъ жеребеночкомъ въ Большой Ордѣ — не новая черта, а также заимствованная; одинъ изъ коней, состязающихся съ бурушкой, «полоненъ.... въ Большой Ордѣ» ²⁾). Прибавимъ, что противъ исконности

¹ Рышковъ, III, стр. 201.

² Южно-русскія былины, III-XI, стр. 42.

такой развязки говорить уже то обстоятельство, что она встрѣчается только въ одномъ и притомъ довольно плохомъ пересказѣ. Въ основной редакціи, согласно со всѣми прочими вариантами, дѣло кончалось немедленнымъ отъѣздомъ Ивана Гостиного изъ Кіева послѣ выиграннаго заклада.

Просмотрѣвъ всѣ записи былины, мы можемъ повторить убѣжденіе, высказанное уже раньше, что наиболее близкой къ основной редакціи оказывается запись XVIII вѣка, вошедшая въ сборникъ Кирши Данилова. Всѣ записи XIX вѣка представляютъ старинную былинку на разныхъ ступеняхъ послѣдовательнаго искаженія, состоящаго частью въ утратѣ нѣкоторыхъ подробностей, частью во введеніи новыхъ, почерпнутыхъ изъ готоваго эпического матеріала. Поэтому эта запись и

особенно тѣ черты ея, которыя раздѣляются другими, можетъ дать наиболѣе надежный матеріаль для изученія бытовой стороны былины и заключеній о мѣстѣ и времени ея сложенія.

Въ прежнее время, при господствѣ представленія о чудесности народной памяти, изслѣдователи эпоса могли бы указать въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ цѣлый рядъ такихъ деталей, которыя прикрѣпляютъ ее къ кіевскому періоду нашей исторіи. Не говоря уже о князѣ Владимирѣ и Кіевѣ, былина помнитъ городъ Черниговъ, даетъ цифровое указаніе его разстоянія отъ Кіева, помѣщаетъ владыку черниговскаго за столомъ у кіевскаго князя и заставляеть владыку захватить корабли съ товарами на Днѣпрѣ. Все это какъ будто точныя географичесюя указанія, какъ будто намеки на историческія отношенія Кіева къ

Чернигову въ XI или XII вѣкѣ. Можно припомнить обширную торговлю Кіева, собиравшую въ его пристани корабли съ привозными товарами; можно припомнить соперничество Черниговскаго и Кіевскаго стола и этимъ объяснить поступокъ черниговскаго владыки. Но едва мы отрѣшимся отъ мысли объ обилии кіевскаго наслѣдія въ современныхъ былинахъ и отъ увѣренности въ чрезвычайной сохранности нашего устнаго эпоса, какъ всѣ эти географическіе и хронологическіе устои окажутся весьма шаткими.

Для слагателя древнѣйшаго типа былины объ Иванѣ, дальше котораго мы не имѣемъ возможности идти, Черниговъ былъ такимъ же эпическимъ городомъ, какъ Кіевъ. Имя Чернигова дошло дѣйствительно какъ эпическій отголосокъ къ позднимъ сѣвернымъ слагателямъ былинъ такъ называемаго

«кіевскаго» цикла, но эти слагатели уже ничего не знали объ этомъ городѣ отторгнутомъ отъ Руси въ теченіе трехъ столѣтій (со 2-й половины XIV вѣка до 1654 года). Нерѣдкое упоминаніе его на ряду съ Кіевомъ въ старинныхъ пѣсняхъ, указаніе на его богатство вводило въ представленіе какого нибудь скомороха-бахаря XVI или XVII вѣка только такія черты Черниговъ — городъ старый, богатый, лежащій гдѣ-то недалеко отъ Кіева. Эти неопредѣленные черты не стѣсняли, по незнанію географіи и исторіи, его воображенія: онъ могъ говорить о королѣ черниговскомъ ¹), о какой то черниговской рѣкѣ или горѣ, смотря по требованію своего сюжета. Историческій новгородецъ Ставръ пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ стольнаго града Чернигова, гдѣ осталась его жена ²), и получаетъ этотъ городъ въ даръ

¹ Кирѣевскій, III, 111.

² Тихонравовъ и Миллеръ, II, № 55, стр. 12.

отъ князя Владимира ³). Такъ была приспособлена несомнѣнно старинная новгородская пѣсня къ былинамъ Владимирова цикла. Нѣтъ основанія думать поэтому, что тотъ же городъ въ былинѣ объ Иванѣ представляетъ древнее кіевское наслѣдіе и что слагатель, вводя въ дѣйствіе владыку черниговскаго, руководился какимъ нибудь историческимъ воспоминаніемъ о значеніи именно этого владыки въ старинныя времена. Однако все-же роль владыки черниговскаго въ этой и другихъ былинахъ на столько характерна, что нуждается въ объясненіи. Замѣчательно, что во всѣхъ былинахъ, гдѣ онъ выводится, онъ является какъ бы протестующимъ противъ князя или его сторонниковъ. Такъ, онъ одинъ ручается за Алешу Поповича противъ князей и бояръ, которые всѣ поручились за любимца

³ Тамъ же, II, № 58; 30.

княгини Апраксѣевны Тугарина
Змѣевича ⁴); онъ одинъ въ пику
Владимиру беретъ на поруки прѣзжаго
Дюка Степановича противъ княжескаго
любимца Чурилы. Когда Владимиръ,
назвавъ Дюка «захвасливымъ»;
предлагаетъ ему биться съ Чурилой о
закладъ въ томъ, что они три года
будутъ ѣздить всякій день на смѣнныхъ
коняхъ и въ смѣнныхъ платьяхъ, то

Ударили они о великъ закладъ.
По тоёмъ было Чурилъ по
Пленковицъ
Держали поруку-то двумя
градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ
Черниговымъ.
А по тоемъ было по молодомъ
бояринъ
По немъ не было никакой
порукушки,

⁴ Кирѣевскій, II, стр. 77.

Столько держаль по немъ
крѣпкую поруку-ту
И тотъ владыка Черниговскій,
И тотъ крестовый его
батюшка"¹).

Трудно сказать въ какомъ былинномъ сюжетѣ раньше всего явился владыка Черниговскій, но присутствіе его въ трехъ былинахъ при сходныхъ обстоятельствахъ, когда симпатичное слагателю лицо бьется объ закладъ съ несимпатичнымъ (Тугариномъ, Чурилой, Владимиромъ), указываетъ на то, что владыка, протестующій противъ князя и его сторонниковъ, сталъ лицомъ типическимъ въ нашемъ эпосѣ. Если мы будемъ искать исторической основы этого эпического типа, то, на нашъ взглядъ, ее всего скорѣе можно найти на сѣверѣ въ новгородскихъ отношеніяхъ. Мы знаемъ, какое высокое значеніе

¹ Гильфердингъ, № 152 (столб. 719), ср. Рыбниковъ, I, 49.

имѣль владыка Новгорода Великаго въ его государственномъ строѣ, принизившемъ значеніе князя²). Съ этой точки зрѣнія будетъ понятна властная и самостоятельная роль черниговскаго владыки при княжескомъ дворѣ въ Кіевѣ.

Вводя эту личность въ былинку Кіевскаго цикла и потому называя его черниговскимъ, сѣверно-русской слагатель, не стѣсняясь исторіей, хронологіей и географіей, представлялъ себѣ эпическаго владыку съ мощью и авторитетомъ новгородскаго архіепископа, нерѣдко властно выступавшаго противъ князя и своимъ вмѣшательствомъ прекращавшаго усобицы и народныя смуты. Такой владыка могъ дѣйствительно велѣть

² Вспомнимъ, что при частой смѣнѣ князей у новгородцевъ единственной прочной и обширной властью въ государствѣ была власть владыки. Безъ его благословенія не предпринималось ни одно важное дѣло. Онъ участвовалъ въ договорахъ съ русскими князьями и иноземными правительствами. Онъ своимъ вмѣшательствомъ нерѣдко прекращалъ вооруженныя столкновения городскихъ партій и былъ энергичнымъ защитникомъ новгородскихъ правъ противъ притязаній суздальскихъ и затѣмъ московскихъ князей.

своимъ людямъ захватить корабли въ княжей столицѣ, не справляясь съ волею князя, и не хвастливо заявить, что князя и бояре никуда отъ него не уйдутъ. Итакъ я склоненъ думать, что былинный типъ властнаго черниговскаго владыки не наслѣдіе южно-русскаго періода, а созданіе сѣверно-русскаго творчества, воплотившаго воспоминанія объ историческомъ значеніи новгородскихъ владыкъ.

Если, исходя изъ предположенія о сѣверномъ и позднемъ происхожденіи былины, мы поищемъ бытовыхъ слѣдовъ, его подтверждающихъ, то можемъ указать на *купецкій* характеръ пѣсни. Ея герой — сынъ богатаго купца, щеголяющій драгоцѣнной собольей шубой и дорогимъ, купленнымъ за моремъ, конемъ. Вспомнимъ, при этомъ, дороговизну коней въ новгородскихъ земляхъ, куда лучшіе приходили съ запада отъ иностранцевъ съ уплатой

значительной пошлины и стоимости провоза («проводинъ»)¹). Въ Кіевѣ, за столомъ князя, сидятъ и торговые гости, а корабли ихъ съ заморскими товарами стоятъ въ пристани. При дворѣ устраивается пари и, согласно съ обычаемъ новгородскихъ дѣльцовъ, скрѣпляется записью и рукоприкладствомъ. Вѣдь новгородцы всегда славились какъ люди «письменные», и новгородскія эпическія лица, какъ Садко, Василій Буслаевъ — люди грамотные. Помимо внѣшней обстановки и внутренняя сторона былины, какъ будто, говоритъ въ пользу нашего толкованія. Это — отношеніе личности героя къ обществу, то значительное развитіе личнаго начала, которое вызывалось новгородскимъ государственнымъ строемъ и культурою. Былина прославляетъ личное богатство

¹ Ср. Латынскіе кони щеголя Чурила.

торговаго гостя Ивана, какъ былина о Садкѣ богатомъ гостѣ; какъ Садко соперничаетъ съ Новгородомъ богатствомъ, какъ Василій Буслаевъ силою-удалью, такъ Иванъ Гостиный бьется объ закладъ противъ князя и всѣхъ его поручителей, въ томъ числѣ и людей своего сословія, торговыхъ гостей. Какъ *новгородскій* Микула Селяниновичъ на своей соловой кобылкѣ обгоняетъ князя и просвѣщаетъ его на счетъ цѣны своей кобылки, такъ Иванъ Гостиный посрамилъ князя Владимира своимъ «бурушкой косматымъ», разогнавшимъ всѣхъ княжескихъ коней, и говорить о его стоимости. Словомъ, въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ мы находимъ знакомые мотивы несомнѣнныхъ новгородскихъ былинъ. Быть можетъ, новгородскимъ происхожденіемъ былины объясняется и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что эта

пѣсня, принадлежащая къ числу наименѣе популярныхъ даже въ современномъ средоточіи устной эпической традиціи, была однако записана въ *Новгородской* губерніи, которая, кромѣ ея, дала еще только одно краткое и испорченное начало былины о Добрынь ²), также исконномъ новгородскомъ эпическомъ персонажѣ.

Переходимъ теперь къ другому сюжету, прикрѣпленному въ нашемъ эпосѣ къ имени Ивана Гостиного. Этотъ сюжетъ извѣстенъ въ двухъ записяхъ — Рыбникова и Гильфердинга, — сдѣланныхъ со словъ одного и того же сказителя Ѳедора Никитина ¹), причемъ сличеніе обѣихъ записей показываетъ, что сказитель зналъ былинѣ нѣсколько тверже, когда былъ моложе. Передаемъ содержаніе пѣсни по первой записи.

² Кирѣевскій, II, стр. 1 и 2.

¹ Рыбниковъ IV № 13 = Гильфердингъ № 172, стол. 873.

Нравственные свойства Ивана
Гостинаго указываются въ самомъ
началѣ былины;

«Отъ батюшки было отъ умнаго
И отъ матушки отъ разумныя
Зародилось чадо неразумное,
Испоимени Иванушко Гостиный
сынъ.

Когда умеръ родимый батюшка,
эпическая честна-вдова Офимья
Александровна посылаетъ сына
торговать за сине море и наказываетъ:

«И станешь торговать ты, чадо
милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Испоимени Иванушко Гостиный
сынъ,
Отнюдь не ходи ты на царевъ
кабакъ,
Ты не пей-ка, чадо, зелена вина
И не имѣй союзъ со дѣвками
к..... и

И со тѣма со женками со б.....
и,
И со тѣма голями кабацкими.

При вторичномъ пересказѣ Никитинъ опустилъ ту подробность что мать посылаетъ сына за сине море, поэтому нѣтъ и стиха: «и станешь торговать ты, чадо милое».

Иванъ поѣхалъ торговать разными товарами за море, но, не послушавъ наставленія матери,

Пропиль, прогуляль все
отцовское имѣніе,
И всѣ промоталъ товары
заморскіе
И отдалъ въ закладъ черны
корабли.

О закладѣ кораблей въ виду отсутствія поѣздки за море второй пересказъ, конечно, не упоминаетъ.

Услыхавъ о поведеніи сына, Офимья Александровна пріѣзжаетъ за

сине море, за тѣ-ли города иностранные
и добирается чада своего любимаго.
Оказывается, что въ иностранныхъ
городахъ, согласно эпической
наивности, все устроено по русски: тутъ
и царевъ кабакъ, и народъ
православный и голи кабацкіе. Придя
къ кабаку, честна вдова испроговорить
таково слово:

«Ай же вы, народъ
православный,
Ай же вы, голи кабацкіе!
Не видали-ли вы моего чада
милаго,
Чада милаго и сына любимаго,
По имени Иванушка
Гостинаго?»

Голи кабацкіе немедленно
указываютъ, что чадо милое сидитъ за
стойкой во царевомъ кабакѣ и кушаетъ
зелено вино. Мать входитъ въ кабакъ,
бьетъ челомъ сыну со слезами, затѣмъ,
взявъ его за руки бѣлыя, ведетъ на

пристань корабельную къ синю морю,
ко солоному и обращается къ купцамъ
заморскимъ;

«Ай же вы, купцы заморяна,
Вы заморяна и Вавилоняна!
Вы купите у меня чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
По имени Ивана Гостиного,
И дайте вы за него пятьсотъ
рублей". —

Испроговорятъ купцы
заморяна¹):

— Ай же ты, честна вдова,

Офимья Александровна

— Ты не вора-ли продаешь, не
разбойника

— И не ночного-ли ты
подорожника? —

Послѣ утвердительнаго отвѣта, что
Иванъ ея родной сынъ, послѣдній,
проливая слезы, говоритъ купцамъ ²):

¹ Приводимъ здѣсь стихи въ послѣдовательности 2-го пересказа, но по тексту 1-го.

² По 2-му пересказу.

— И не жалѣйте-тко вы да
цѣлой тысящи,
— И что было бы моёй
матушкѣ
— И до гробной доски ей да не
скитатися.

За тѣмъ сынъ прощается съ
матерью:

— Ты прощай-ка, прощай,
родна матушка,
— Честна вдова Офимья
Александровна!
— По закону была родна
матушка,
— А по житью-бытью змѣя
лютая,
— Змѣя лютая, подколодная. —
Туть простилася родна матушка
Со своимъ-ли чадомъ милымъ.

Сказывая былину вторично,
Никитинъ покончилъ ее на этомъ; но въ
первомъ пересказѣ помнилъ еще
заключительныя слова матери,

которыми слагатель старался примирить слушателей съ ея поступкомъ:

Прокатилася слеза изъ ясныхъ очей,

Во слезахъ она словцо промолвила:

«Не дивитесь вы, народъ православный,

«Что продала я своего чада милаго,

«По имени Иванушка Гостиного.

«Не кормитель онъ былъ родной матери,

«А разоритель былъ золотой казны,

«А за проступокъ я его и продала».

Такимъ образомъ былина кончается попыткой поддержать авторитетъ матери “честной вдовы”, что согласно съ высокимъ значеніемъ этого лица въ нашемъ сѣверномъ эпосѣ. Положимъ, что слагатель съ его эпическимъ міросозерцаніемъ остается какъ бы въ сторонѣ, заставляя говорить попеременно мать и сына въ этомъ трагическомъ конфликтѣ, но именно то, что за матерью остается *последнее*

слово, какъ бы ослабляетъ жестокость ея поступка: она оправдываетъ его безпутствомъ сына — не кормителя матери, а разорителя. Невыдержанностью отличается характеръ сына по эпической случайности. Съ одной стороны онъ, чувствуя свое безпутство, даже продаваемый матерью въ неволю заботится объ ея интересахъ, проситъ купцовъ дать за него 1000, чтобы обезпечить матушку до гробной доски. Съ другой — тутъ же называетъ мать змѣею лютой. Эту невыдержанность можно объяснить себѣ тѣмъ, что слагатель-сказитель въ данномъ случаѣ некстати припомнилъ подобное-же обращеніе другого сына къ матери, которая дѣйствительно была для него змѣею лютой. Вспомнимъ, на примѣръ, тотъ широко-извѣстный пѣсенный сюжетъ, въ которомъ мать либо оклеветываетъ сноху и подводитъ ее

подъ ножъ сына, либо сама убиваетъ ее (князь Михайло). Въ одной пѣснѣ на 1-ю тему, молодець, убивъ жену, идетъ къ матери и говорить:

«Что не мать ты мнѣ и не
матушка

А змѣя же ты подколодная¹⁾

Приведенная пѣсня объ Иванѣ Гостиномъ интересна по своему бытовому содержанию. Она выставляетъ широко распространенный у насъ и въ жизни, и въ пѣсняхъ типъ безпутнаго, добраго молодца, гибнущаго отъ зелена вина. Къ тому же типу въ эпосѣ принадлежатъ Потокъ Михайловичъ и Василій пьяница, не говоря уже о голяхъ кабацкихъ, пріятеляхъ Ильи Муромца. Идея пѣсни та же, что въ Горѣ-злостіи, то-есть печальная судьба молодца безумнаго,

¹⁾ Воронежская Бесѣда 1861 г. Срав. *Кирѣевскій*, вып.V, стр. 72 (князь Михайло); тамъ же, прибавленіе стр. 35. А. *Соболевскій* — Великорусскія народныя пѣсни I стр. 121, 130, 131. Сестра хочетъ отравить брата, онъ узнаетъ объ этомъ и говоря — «не сестра ты мнѣ родимая, что змѣя ты подколодная» — убиваетъ ее. Тамъ же стр. 193

И не слышалъ тутъ чадо
родной матушки.

И какъ пошелъ тутъ чадушко да
на царевъ кабакъ,

И сталъ тутъ пити кушати да
зелена вина,

И сталъ знаться чадо съ голями
кабацкими,

И сюзъ имѣть сталъ съ
жонками со б..... и.

Ай со тѣма-ли-то со дѣвками со
к.....и.

Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу
да горе привязалоси и т. д. ¹⁾.

Различіе въ судьбѣ молодца
безыменнаго пѣсни «Горе" и пѣсни объ
Иванѣ Гостиномъ въ томъ, что тамъ
непослушаніе родителямъ доводитъ
сына до монастыря, въ которомъ онъ
укрывается отъ преслѣдованія горя,

¹⁾ Гильфердингъ № 177 столб. 886.

здѣсь до продажи въ неволю на чужую сторону.

Пѣсня представляет законченное цѣлое: мать оправдывает свой поступокъ передъ православными съ нравственной стороны, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ данной пѣснѣ мы имѣемъ только начало болѣе обширной, изображавшей дальнѣйшую судьбу сына, проданнаго въ неволю заморскимъ купцамъ. Вся сила пѣсни лежитъ въ ея трагической развязкѣ, въ томъ нравственномъ вопросѣ, который разрѣшается съ такою эпическою объективностью діалогомъ матери и сына и заключительными словами первой. Слагатель ея вовсе не рисовалъ въ своемъ воображеніи дальнѣйшую судьбу сына: — печальный тонъ пѣсни именно зависитъ отъ этой неизвѣстности, отъ того грустнаго представленія, которое во всемъ нашемъ пѣснотворествѣ связано съ

чужедальной стороной. Говоримъ это въ виду того, что акад. Веселовскій, указывая на нѣкоторыя противорѣчія въ пѣснѣ предполагаетъ въ ней передѣлку чего то другого и начало болѣе обширной былины. «Изложеніе сообщенной нами былины, говоритъ онъ, представляетъ несообразности, указывающія, по моему мнѣнію, на забвеніе цѣльнаго пѣсеннаго преданія и на попытку округлить и осмыслить наново удержавшіеся въ памяти отрывки.... Прежде всего пьянство Ивана, можетъ быть, такой же поздній мотивъ (?), какъ и типъ пьяницы, упрочившійся за однимъ изъ младшихъ богатырей — Васильемъ. Что мать продаетъ сына-гуляку и въ то-же время величаетъ его чадомъ милымъ, любимымъ — можно бы объяснить особенною устойчивостью былиннаго эпитета; но эта устойчивость въ сопоставленіи противорѣчій идетъ,

очевидно, черезъ край: по роду ты моя матушка, по житью-бытью змѣя лютая, говоритъ Иванъ, проданный въ рабство, а былина поеть о прощаньѣ матери съ «любимымъ» сыномъ, и заставляетъ его просить купцовъ — дать за него цѣну вдвое большую противъ просимой, чтобы его матери можно было прожить безбѣдно до гробовой доски! *Необходимо* предположить въ просьбѣ Ивана сознаніе своей собственной цѣнности; вѣдь это одно и можетъ побудить купцовъ дать за него тысячу рублей вмѣсто пятисотъ; забота о матери, эпитеты милый, любимый объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не какъ актъ материнскаго самоуправства. Все это могло быть забыто и спутано — и явиться передъ нами позднѣе въ новой призрачной цѣльности, — со

внесениемъ мотива сына-гуляки, проданнаго въ кабалу»¹).

Въ основѣ этихъ соображеній уважаемаго академика лежитъ желаніе реставрировать содержаніе пѣсни такъ, чтобы оно болѣе согласовалось съ предполагаемымъ литературнымъ источникомъ. Академикъ Веселовскій сближаетъ наши пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ съ старо-французскимъ романомъ объ Иракліи (на чемъ остановимся ниже); а въ послѣднемъ мать съ согласія сына продаетъ его не за его безпутство, а Бога ради, чтобы раздѣлить полученныя деньги между бѣдными. При этомъ сынъ самъ набиваетъ себѣ цѣну, указывая на свои чудесныя способности: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. Поэма въ дальнѣйшемъ занимается подробно судьбою проданнаго Ираклія. Однако, еслибъ А.

¹ Южно-русскія былины, III-XI, стр. 49 и слѣд.

Н. Веселовскимъ не руководило представленіе о старо-французской поэмѣ, онъ легко помирился бы съ тѣми противорѣчіями въ текстѣ нашей пѣсни, которыя кажутся ему результатомъ искаженія чего-то болѣе логически-разумнаго.

Предполагается, во-первыхъ, что пьянство героя поздній мотивъ. Онъ неудобень, потому что ничего подобнаго нѣтъ въ поэмѣ о благочестивомъ Иракліи. Поэтому и продажа сына матерью должна была въ прототипѣ быть мотивирована чѣмъ нибудь другимъ, какъ нибудь въ родѣ того, что разказываетъ французская поэма. Такое предположеніе, конечно, совершенно измѣняетъ нравственный обликъ Ивана, а между тѣмъ типъ гульливаго добра молодца одинъ изъ самыхъ любимыхъ нашимъ пѣснотворствомъ.

Выше мы указали, что тотъ же типъ живетъ въ народной повѣсти и пѣсни о Горѣ злосчастіи и что начало послѣдней почти буквально совпадаетъ съ пѣснею о Иванѣ. Къ чему же спрашивается намъ видѣть въ послѣдней «новую призрачную цѣльность», а не старую, исконную? Академикъ Веселовскій указываетъ на противорѣчія, но нѣкоторые самъ объясняетъ устойчивостью былинныхъ эпитетовъ, а одно дѣйствительное противорѣчіе — названіе сыномъ своей матери змѣею лютою — мы выше объяснили, какъ неудачный взносъ изъ другой пѣсни съ нѣскольکو сходной ситуаціей. Остается кажущаяся академику Веселовскому странною забота сына о матери, его просьба купцамъ, чтобъ они за него дали ей не 500 а 1000 руб., чтобы обезпечить ея старость. Но эта именно черта представляется мнѣ глубоко народною: сынъ, сознавая свою вину

предъ матерью, для которой былъ не кормильцемъ, а разорителемъ примиряясь съ своею судьбой, хочетъ исправить причиненное ей разоренье хоть тѣмъ, что жертвуя своею свободой, по крайней мѣрѣ обезпечиваетъ ея старость. Это сознание своей виновности предъ матерью, это равнодушіе къ своей личной судьбѣ — черта свойственная именно нашимъ русскимъ «добрымъ молодцамъ», черта жизненная, увѣковѣченная типичными образами нашихъ романистовъ бытописателей. Предполагать, что продаваемый пропившійся молодецъ сознавалъ свою цѣнность вовсе не *необходимо*, какъ думаетъ академикъ Веселовскій; сынъ цѣнится лишь постольку, поскольку вырученная за него цѣна можетъ пособить разоренной имъ матери. Вообще еслибъ пѣсня была передѣлкой какой-то другой более пространной, въ которой излагались бы,

какъ во старо-французской поэмѣ, похождения проданнаго матерью сына, обладающаго дивными дарами, то, во-первыхъ, мы не сумѣли бы объяснить, почему отъ этой интересной пѣсни упомянулось только начало и притомъ съ передѣлкой и типа героя, и мотивовъ его продажи матерью; во-вторыхъ, почему въ передѣлкѣ (а мы знаемъ какъ неумѣло онѣ совершаются въ народномъ пѣснотворествѣ) не сохранилось болѣе яркихъ слѣдовъ прототипа.

Исходя изъ убѣжденія, что рассматриваемая пѣсня объ Иванѣ Гостиномъ не отрывокъ, а произведение цѣльное, опредѣлимъ его отношеніе къ нашему былевому эпосу. Собственно говоря, названіе «былины» можетъ быть приложено къ ней только съ извѣстными ограниченіями, какъ, на примѣръ, къ пѣснѣ о Ванькѣ ключникѣ, а Молодцѣ и худой женѣ, о

Горѣ-злосчастіи. Пѣсня не введена ни въ кievскій, ни въ новгородскій циклъ: въ противоположность былинамъ въ ней прежде всего не указывается даже города, гдѣ жилъ Иванъ Гостиный. Слагатель воспользовался эпическимъ матеріаломъ лишь для имени: мать молодца вылилась въ знакомую эпическую форму матерой вдовы и получила имя Офимьи Александровны, которое иногда носитъ мать Добрыни ¹); добрый молодець, хотя могъ бы остаться безыменнымъ, какъ въ пѣснѣ о Горѣ, названъ Иваномъ Гостинымъ, весьма удачно, потому что типъ гулящихъ, безпутныхъ сыновей встрѣчался особенно часто въ старину (какъ и теперь) въ средѣ купецкихъ сынковъ. Кромѣ имени дѣйствующаго лица, пѣсня ничѣмъ не связана съ вышеразсмотрѣнною былиной о состязаніи Ивана Гостиного съ княземъ

¹ См. *Кирѣевскій* – II, стр. 2, 14, 19–21, 40, 57.

Владимиромъ въ Кіевѣ, и попытка связать оба произведенія такъ, какъ дѣлаетъ это академикъ Веселовскій, предполагая, что первое есть начало карьеры Ивана, а второе — продолженіе, представляется намъ неубѣдительною. Съ такимъ же правомъ могли бы мы связать между собою всѣ 4 былины о Добрынѣ и предположить, что онѣ представляютъ фрагменты цѣльной поэмы, содержащей его эпическую біографію. Такое соединеніе пѣсенъ, лишенныхъ внутренней связи, дѣлается академикомъ Веселовскимъ для того, чтобы найти въ нашемъ эпосѣ, хотя бы и во фрагментахъ, тотъ литературный источникъ, который напомнили изслѣдователю нѣкоторыя черты обѣихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ. Далѣе мы остановимся подробнѣе на толкованіи, предложенномъ А. Н. Веселовскимъ, а теперь ограничимся

заключеніемъ, что пѣсня объ Иванѣ, проданномъ за пьянство матерью, во-первыхъ, вполне законченное произведеніе; во-вторыхъ, воспринявшее только нѣкоторые эпическіе образы и имена, но не введенное въ былевой эпосъ, въ-третьихъ, не имѣющее другой связи, кромѣ имени дѣйствующаго лица, съ *былиной* объ Иванѣ Гостиномъ.

Пѣсня объ Иванѣ представляется намъ надѣленною яркими чертами быта, но сложенною въ такихъ мѣстахъ, гдѣ былинные образы были хорошо знакомы населенію. Властная мать Ивана живо напоминаетъ новгородскую матеру вдову — мать Василя Буслаева, Хотѣна Блудовича или Добрыни. Вспомнимъ, какъ покорень матери буйный Васька Буслаевъ, котораго она запираетъ въ погребъ или обуздываетъ въ разгарѣ драки. Представленіе Ивана купецкимъ сынкомъ кутилою,

закладывающимъ за моремъ корабли и пропивающимъ товары, — могло соответствовать новгородской дѣйствительности: мы знаемъ какова была новгородская молодежь особенно въ богатомъ классѣ. Продажа людей въ кабалу за долги фактъ слишкомъ извѣстный старинной Руси, чтобы нуждаться въ какомъ нибудь литературномъ источникѣ. Продажа людей за море иностраннымъ купцамъ была особенно удобна въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, гдѣ постоянно жили иноземные купцы. Новгородскія лѣтописи занесли нѣсколько случаевъ отдачи новгородцами дѣтей иноземнымъ гостямъ, вызванные, впрочемъ, крайностью, голодовкою ¹⁾. Такимъ исключительнымъ случаемъ (иначе пѣсня не имѣла бы *raison d'Stre*) могла быть и продажа сына матерью за

¹ *Никитскій* — Очерки экономической жизни Великаго Новгорода, стр. 30.

безпутство и разореніе отцовскаго наслѣдія. Если при этомъ купцы называются здѣсь не только заморянами, но и *вавилонянами*, то опять-таки не нужно предполагать, вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ, что эти «вавилоняне» забрались въ пѣсню изъ литературнаго прототипа²). Слагатель или одинъ изъ сказателей пѣсни могъ простодушно украсить купцовъ этимъ эпитетомъ по воспоминанію о библейскихъ купцахъ вавилонянахъ, которымъ братья (см. стихъ о Іосифѣ) продали Іосифа.

Такимъ образомъ, если, какъ мы старались уяснить, пѣсня объ Иванѣ, проданномъ матерью, не представляетъ отрывка или начала болѣе обширной пѣсни, если она не противорѣчитъ русскому реальному быту или по крайней мѣрѣ эпическому, если фабула ея передается лишь кратко и весь

² Южно-русскія былины, III-XI, стр. 66.

интересъ сосредоточень на психической сторонѣ — на чувствованіяхъ сына и матери, то нѣтъ достаточнаго основанія предполагать за нею иноземный литературный источникъ.

Что касается *былины* о состязаніи Ивана Гостиного съ княземъ Владимиромъ, то не стану отрицать возможность того, что въ ея основѣ лежитъ какой-нибудь литературный источникъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознаться, что гипотетическое указаніе такого источника, сдѣланное академикомъ Веселовскимъ въ его статьѣ «Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старо-французскій романъ объ Иракліи» мнѣ въ настоящее время кажется неубѣдительнымъ. Разсмотримъ ходъ его сопоставленій и доказательствъ.

Изложивъ по вариантамъ вышерассмотрѣнную былину, изслѣдователь привлекаетъ въ видѣ

комментарія къ ней нѣкоторыя сказки объ Иванъ-царевичѣ, крестьянскомъ сынѣ и царскомъ крестникѣ — именно мотивъ добыванія героемъ коня изъ подземелья или куплей шелудиваго, но оказавшагося чуднымъ, жеребенка. Упоминается далѣе и Иванъ крестьянскій сынъ, рожденный послѣ трехлѣтняго безплодія родителей богатырскій сидень, ощутившій въ себѣ силу, какъ Илья Муромецъ, послѣ того, какъ выпилъ ендову пива, поданную ему нищимъ ¹). «Существовалъ ли въ былинной поэзіи подобный разказъ о пріобрѣтеніи коня Иваномъ Гостинымъ сыномъ, — продолжаетъ А. Н. Веселовскій — этого мы пока не знаемъ; за то сохранились два пѣсенныхъ отрывка и небольшой эпизодъ въ былинѣ о другомъ богатырѣ, свидѣтельствующіе, что объ Иванѣ

¹ Названное сочиненіе, стр. 44.

Гостиномъ сынъ пълось нѣкогда что-то болѣе полное и цѣлое" ²).

Первый отрывокъ, приводимый, изслѣдователемъ, это — упомянутая нами выше фрагментарная былина о состязаніи Ивана Гостиного съ Владимиромъ, записанная въ Новгородской губерніи. Въ этомъ фрагментѣ акад. Веселовскій отмѣчаетъ помѣщенные послѣ скоморошьего запѣва странные стихи:

Бѣгъ выбѣгаль тутъ
насадничекъ;
Въ этомъ насадничкѣ сынъ со
матерью,
Пью они ѣдя, прохлажаются,
Промежду собою похваляются.

Эта похвальба, какъ видно изъ дальнѣйшаго, совершается не между сыномъ и матерью, а въ Кіевѣ на пиру Владимира среди его богатырей. «Въ этой сборной и, очевидно, испорченной

² Тамъ же, стр. 45.

пѣснѣ одна подробность отзывается чѣмъ то древнимъ, — памятью о какой то *матери* Ивана Гостиного сына. Дѣйствительно: (о ней и о ея сынѣ сохранилась одна интересная былина"³). Слѣдуетъ текстъ пѣсни о продажѣ Ивана Гостиного матерью и указаніе на ея противорѣчія, на чемъ мы уже останавливались. Считая, какъ мы видѣли эту пѣсню началомъ болѣе подробной пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ, акад. Веселовскій говоритъ: «Пока мы выяснили себѣ, только слѣдующее: Иванъ Гостиный сынъ — сынъ вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе (sic) мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владимира, онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней и остается побѣдителемъ бѣга»¹). Далѣе изслѣдователь сообщаетъ *кстати*

³ Тамъ же, стр. 47.

¹ Тамъ же стр. 50. Не совсѣмъ точно, такъ какъ *бѣга* собственно не было.

(какъ самъ выражается) содержаніе сказки-былины о другомъ Иванъ — удовкинъ сынъ (хотя и не Гостиномъ). Это извѣстная пѣсня о томъ, какъ Иванъ, принимая различные образы, прячется на пари отъ царя Волшана, обладателя волшанской книги. Помогаетъ Ивану Могуль-птица, и герой женится на царской дочери. Конечно, сказка понадобилась акад. Веселовскому ради нѣкоторыхъ подробностей. Каковы же онѣ?

«Ванька удовкинъ сынъ, обладающій чудеснымъ даромъ оборотничества, является при дворѣ царя Волшана, какъ Иванъ Гостиный сынъ, также сынъ вдовы, при дворѣ Владимира съ своимъ чудеснымъ бурушкой. Имя Волшанъ, несомнѣнно, въ связи съ церковно-славянскимъ влъхвъ; его волшанскія книги — волшебныя. Наричательное «Волшанъ» сложилось подъ впечатлѣніемъ идей

волшебства, приведенныхъ въ разказѣ; трудно представить себе (почему?), чтобы оно съ самаго начала стояло, какъ имя собственное, естественнее предположить (почему?), что оно прислонилося къ какому нибудь болѣе древнему, созвучному. Древне-русская поэзія знаетъ вѣщую, грандіозную книгу царя Волотомана, Волотомона, Вотоломона, Волота и т. д., восходящаго, по очень вѣроятному мнѣнію проф. Ягича, къ имени Птоломея. Въ одномъ русскомъ сказаніи о Соломонѣ — Волотомономъ названъ византійскій императоръ; съ другой стороны варьянты этого имени приводятъ насъ отъ Волотомана къ Волотомиру, Володимиру — Владимиру. Гостиный сынъ Иванъ, объявляющійся при дворѣ Владимира, могъ впервые проявиться въ окруженіи какого нибудь Константинопольскаго Волотомона — Волшана; первый стая на мѣсто

второго, Кіевъ на мѣсто Константинополя, греческая сказка-былина претворится въ былинку южно-русскаго цикла. Пока (осторожно добавляетъ А. Н. Веселовскій) это лишь одно теоретическое построение, отчасти лишь поддержанное предположенною нами генеалогіей пѣсенъ о Саулѣ Леванидовичѣ" ²).

Итакъ вотъ для какихъ тонкихъ соображеній понадобилось изслѣдователю привлечь сказку-былинку объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ. Первый взглядъ на нее не обнаруживаетъ въ ея содержаніи ни малѣйшаго сходства съ былинкой объ Иванѣ Гостиномъ, съ которымъ Иванъ удовкинъ сынъ совпадаетъ только въ имени (какъ со всѣми сказочными Иванами) и въ томъ, что онъ сынъ вдовы, хотя и не купецкой. Въ похожденіяхъ обоихъ Ивановъ нѣтъ ничего сходнаго: одинъ

² Названное сочиненіе стр. 51-52.

бъется объ закладъ съ Владимиромъ, что перескачетъ его коней; другой — добываетъ себѣ дочь царя Волшана исполненіемъ трудной задачи — оборотничествомъ. Но если теперь и нѣтъ между обѣими пѣснями ничего общаго, то слѣдуетъ пѣсню объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ только перестроить мысленно вмѣстѣ съ акад. Веседовскимъ — предположить, что Волшанъ смѣнилъ князя Владимира, а въ былинѣ Владимиръ сѣлъ на мѣсто Волотомона Константинопольскаго царя, причемъ Кіевъ сталъ на мѣсто Константинополя, и мы получимъ въ отдаленной перспективѣ, какъ основу обоихъ русскихъ произведеній, греческую сказку-былину, которая могла на русской почвѣ разбиться на пѣсни объ Иванахъ — Гостиномъ и удовкинѣ сынѣ.

Въ предполагаемомъ иноземномъ прототипѣ герой является знатокомъ

женщинъ. Поэтому акад. Веселовскій не забываетъ далѣе отмѣтить, что Иванъ Гостиный въ одной былинѣ Кирши Данилова № 4 о женитьбѣ Владимира указываетъ князю невѣсту въ Золотой Ордѣ Афросинью (очевидно Апраксию) королевишну, дочь Етмануйла Етмануйловича. «Въ виду послѣдующихъ параллелей, прибавляетъ онъ, намъ была бы крайне важна черта, сохранившаяся въ редакціи Кирши Данилова, что именно Иванъ Гостиный сынъ указываетъ Владимиру его сверстницу. Но прозвище «Гостиный сынъ» здѣсь едва ли не случайное; существеннѣе имя Ивана, появленіе котораго въ роли знатока невѣсть мы объяснимъ позднѣе изъ пѣсенъ о Дунаѣ-Иванѣ ключникѣ"¹). Спрашивается, почему прозвище «Гостиный» можетъ быть случайное, а имя Иванъ болѣе существенно? Потому,

¹ Тамъ же стр. 53.

слѣдуетъ думать, что въ предполагаемомъ акад. Веселовскимъ прототипѣ личность, соответствующая Ивану, не купецъ, а мудрый Ираклій. Между тѣмъ выборъ именно *Гостиного* сына въ указатели невѣсты для Владимира естественно можетъ быть мотивированъ тѣмъ, что гости торговые знаютъ чужія земли. Вѣдь въ нашихъ былинахъ не разъ, гдѣ дѣло идетъ объ указаніи иноземной невѣсты, являются лица, проживавшія въ чужихъ земляхъ¹).

Въ заключеніи обзора содержанія пѣсенъ и нѣкоторыхъ сказокъ объ Иванѣ акад. Веселовскій изъ всего этого разнороднаго матеріала; строить слѣдующую схему, которой вѣроятность и послѣдовательность выяснится лишь въ связи съ слѣдующими далѣе сопоставленіями.

¹ Дунай, гость Василій въ былинѣ о Соломонѣ.

1) «Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ родителей вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. Какой то старикъ научаетъ его, какъ ему достать чудеснаго жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и какія нибудь другія чудесныя познанія (сказка о доставаніи коня; былина о удовкинѣ сынѣ)». Замѣтимъ тутъ же, что оба Ивана, съ которыми происходятъ событія, намѣчаемая схемой, во-первыхъ, не имѣютъ ничего, кромѣ имени, общаго между собой, во-вторыхъ, ничего общаго съ былиннымъ Иваномъ Гостинымъ.

2) «Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ)». Слѣдовало бы прибавить существенную черту — “за распутство”.

3) «Иванъ является при дворѣ какого то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былина объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запуски съ

царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванъ Гостиномъ сынъ)». Здѣсь опять комбинація походовъ двухъ разныхъ Ивановъ, которыхъ тожество ничѣмъ не доказано.

4)(?) «Онъ указываетъ царю на его сверстницу — невѣсту, оказывающуюся впоследствии невѣрной женой». Последній пунктъ схемы сопровождается самимъ изслѣдователемъ вопросительнымъ знакомъ.

Это пока априорное построение, по словамъ акад. Веселовскаго,, можетъ быть возведено при помощи слѣдующихъ данныхъ къ высокой степени вѣроятности ²). Какія же это данныя?

Сначала пересказывается содержаніе новогреческой сказки о мудромъ старцѣ, въ которой предполагается

² Тамъ же, стр. 54.

вариантъ утраченнаго византійскаго разказа о чудесномъ мальчикѣ. Далѣе другой вариантъ разказа о мудромъ грекѣ передается извлеченіемъ изъ *Sento Novelle antiche*. «Какъ византійская повѣсть о мудромъ старцѣ отразилась въ староитальянскомъ памятникѣ, такъ византійское же сказаніе лежитъ въ основѣ старофранцузской поэмы объ Иракліи» (написанной въ XII вѣкѣ Gautier изъ Арраса), говоритъ далѣе¹) акад. Веселовскій излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ частей послѣдней по параграфамъ, послѣдовательно отвѣчающимъ нумерамъ схемы, установленной имъ для древнихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. Послѣдуемъ за авторомъ, нѣсколько, ради краткости, сгущая его изложеніе, безъ ущерба, впрочемъ, для предполагаемой имъ доказательности.

¹ Названное сочиненіе, стр. 58.

1) Въ Римѣ у одного благочестиваго сенатора Мириадоса и жены его Казине не было дѣтей въ теченіе семи лѣтъ. По усердной ихъ молитвѣ, ангель говоритъ имъ при какихъ условіяхъ они родятъ сына. Условія исполняются. Родится мальчикъ (Ираклій), надѣленный Богомъ тремя дарами: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. Нѣкоторыя черты этого разказа, какъ видно, соотвѣтствуютъ первому параграфу схемы разказа объ Иванѣ, — но не объ Иванѣ Гостиномъ, о чудесномъ рожденіи котораго и чудесныхъ дарахъ былина ничего не знаетъ.

2) По смерти отца мальчикъ остался 10 лѣтъ. Мать раздаетъ все свое достояніе на упокой души мужа, основываетъ, съ согласія сына, больницы, монастыри, надѣляетъ нищихъ, сиротъ и проч. Разорившись, она съ согласія сына рѣшаетъ его

продать и везеть на главный базаръ города. Подсмѣивающемся надъ высокою цѣной царскому сенешалю мальчикъ говоритъ о своихъ трехъ дарахъ, и тотъ покупаетъ его для царя. Мать и сынъ расстаются со слезами. Мать раздѣляетъ полученную сумму между бѣдными, а сама идетъ въ монастырь. Мальчика ведутъ къ царю, который хочетъ испытать правдивость его заявленія. Съ этой цѣлью онъ велитъ снести на базаръ всѣ драгоценные камни, какіе только находились въ Римѣ, а Ираклію приказываетъ выбрать изъ нихъ самый дорогой, сколько бы онъ ни стоилъ. Мальчикъ, забравъ всѣ эти камни, покупаетъ на торгу камень, случайно найденный на дорогѣ, но надѣленный, какъ оказалось, чудесными свойствами.

Изъ подробностей этого параграфа только продажа сына матерью оказывается въ пѣснѣ объ Иванѣ

Гостиномъ. Но мы видѣли, что мотивы продажи и обстановка — совершенно другіе. Объ умѣньи героя различать камни, въ чемъ и заключается интересъ разказа объ Иракліи, наша былина ничего не знаетъ.

3)Слѣдуетъ испытаніе Ираклія по лошадиной части. Мальчикъ покупаетъ за дорогую цѣну на базарѣ жеребенка, который по его увѣренію перегонитъ трехъ лучшихъ царскихъ коней, если выдержитъ его въ продолженіи года. Императоръ не хочетъ ждать. Жеребенокъ оказался такимъ, какъ говорилъ Ираклій, но, выдержавъ испытаніе, сталъ никуда не годенъ отъ чрезмѣрнаго напряженія.

Нѣкоторыя черты романа дѣйствительно напоминаютъ былинѣю объ Иванѣ Гостиномъ, но со слѣдующими ограниченіями. Былина ничего не знаетъ о происхожденіи Иванова коня; покупка шелудиваго

жеребенка приписывается не ему, а Ивану — крестьянскому сыну, Ильѣ Муромцу и вообще обычная черта въ сказкахъ, такъ сказать *locus communis*, не попавшая однако въ разсматриваемую былинку. Затѣмъ въ былинѣ собственно скачки нѣтъ, какъ въ романѣ: конь Ивана Гостиного однимъ ржаніемъ и страшнымъ видомъ разгоняетъ всѣхъ коней Владимира и устрашаетъ зрителей.

4. Третье испытаніе Ираклія — выборъ достойной императора невѣсты, Отвергнувъ всѣхъ съѣхавшихся по императорскому указу родовитыхъ дѣвушекъ, Ираклій рекомендуетъ императору дочь бѣднаго сенатора Аѳинаиду, случайно имъ встрѣченную. Императоръ женится на Аѳинаидѣ и 7 лѣтъ живетъ съ ней счастливо. Затѣмъ слѣдуетъ пространный разказъ объ измѣнѣ Аѳинаиды, влюбившейся во время его продолжительнаго отсутствія

въ прекраснаго Парида. Подробности послѣдняго эпизода романа и самъ акад. Веселовскій считаетъ лишнимъ приводить, потомучто для сравненія съ пѣснями о нашемъ Иванѣ Гостиномъ сынѣ этотъ эпизодъ предлагаетъ наименѣе матеріала. «Только въ *одномъ* пересказѣ былины (о Дунаѣ) Иванъ указываетъ Владимиру на Апраксию, какъ Ираклій императору на Аѳинаиду; Аѳинаида влюбляется въ Парида, какъ Апраксиа, напримѣръ въ Чурилу, котораго легко было бы сравнить съ любовникомъ французской поэмы. Далѣе сходства нѣтъ»¹)....

«Иное дѣло — три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи: сличенные съ соответствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, они представляютъ существенно то же содержаніе, тамъ и здѣсь

¹ Названное соч. стр. 65.

сгруппированное вокруг одного (?) лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ разказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ былинѣ о скачкѣ Ивана и въ пѣснѣ о его продажѣ матерью — эпизоды одного и того же дѣйствія".

На это можемъ замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, мы видѣли, что Иваны, вокругъ которыхъ сгруппированы событія построенной А. Н. Веселовскимъ схемы, — разные лица, герои различныхъ по сюжету разказовъ; во-вторыхъ, также видѣли, что Иванъ Гостиный, продаваемый матерью, не связанъ ни чѣмъ, кромѣ имени, съ Иваномъ Гостинымъ,

состязующимся съ княземъ Владимиромъ; въ-третьихъ, что Иванъ Гостиный не обладает никакими чудесными дарами, какъ Ираклій, и только богатый собственникъ чуждаго коня, отличаясь и въ этомъ отъ Ираклія, который покупает жеребенка для императора, чтобъ доказать свое умѣнье различать коней. Вообще въ основѣ романа объ Иракліи лежитъ широкораспространенный въ сказочной литературѣ сюжетъ о (трехъ) дивныхъ способностяхъ героя, извѣстный и на востокѣ, и на западѣ, но не отразившейся именно въ нашей былинѣ. Чтобы доказать его наличность, изслѣдователю приходится подбирать схему по кусочкамъ изъ разныхъ сказокъ о разныхъ Иванахъ и все таки ему, при всемъ остроуміи, удалось подобрать лишь нѣкоторыя части разбившагося предполагаемаго прототипа, между тѣмъ какъ самая

существенная черта сюжета — наличие чудесных даров у сказочного героя — не оставила ярких слѣдовъ даже въ этихъ фрагментахъ. Для насъ по крайней мѣрѣ очевидно, что работа реставраціи, хотя и очень искусная, предпринята была по невѣрному рисунку и потому не можетъ быть удачна. Дальнѣйшія же предположенія акад. Веселовскаго, что въ основѣ былинь объ Иванѣ Гостиномъ лежитъ греческій разказъ или пѣсня, перешедшая на русскую почву и здѣсь обдѣланная въ былинѣ Владимірова цикла, кажутся мнѣ неправдоподобны уже по различію моего основнаго взгляда на нашъ былевой эпосъ. Согласно съ этимъ взглядомъ и предложеннымъ выше разборомъ, я не могу видѣть въ былинь наслѣдіе южно-русскаго или кіевскаго періода нашей исторіи.

Объ пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ сохранили, какъ мы видѣли, довольно яркіе слѣды своего сѣверно-великорусскаго, вѣроятно, новгородскаго происхожденія, и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что типъ Ивана Гостиного и былина о немъ — произведеніе южной Россіи домонгольскаго періода. Искать хронологическихъ указаній въ устномъ эпосѣ, воспринимающемъ слѣды разныхъ послѣдовательныхъ поколѣній слагателей-сказателей, конечно, очень трудно, но въ видѣ гипотезы укажемъ въ заключеніе на одинъ фактъ, который при предположеніи сѣвернаго происхожденія былины, быть можетъ, опредѣляетъ время ея сложенія. Въ древнѣйшемъ и лучшемъ варіантѣ былины у Кирши Д. Владимиръ называется не просто княземъ, но *великимъ* княземъ. Это указывало бы на сложеніе былины, еще раньше

царскаго періода то-есть XVI вѣка. Въ любопытномъ-же варьянтѣ Швецова (Гильфердингъ № 307) мѣсто Владимира занимаетъ Иванъ Васильевичъ, но не грозный царь, а князь, то-есть Иванъ III, покоритель Новгорода. Если мы припомнимъ, что этотъ варіантъ единственный изъ олонецкихъ сохранилъ личного поручителя за Ивана (хотя владыка черниговскій замѣненъ голями кабацкими) и одинъ указаніе на прежнюю принадлежность третьяго коня княжескаго Ильѣ Муромцу, то, быть можетъ, рискнемъ придать нѣкоторое значеніе и тому факту, что Владимиръ замѣненъ здѣсь *княземъ* Иваномъ Васильевичемъ. Не есть ли это отголосокъ такого вида былины, въ которомъ еще небыло Кіевскаго пріуроченія или для него дѣлалась только попытка? Комбинируя оба указанія — *великого* князя сибирскаго

стариннаго варианта и князя Ивана Васильевича — олонецкаго, — придемъ къ предположенію, что основная былина была сложена въ новгородскихъ земляхъ въ правленіе великаго князя Ивана Васильевича, почему быть можетъ, и эпическій князь Владимиръ представляетъ въ ней такую некрасивую и смѣшную фигуру и терпитъ непріятность отъ владыки. Впрочемъ, повторяемъ что эти указанія въ текстѣ былины могутъ быть призрачны и получить другое объясненіе. Въ XV или XVI вѣкѣ сложена былина — этого мы никогда не узнаемъ съ точностью. Но весь предыдущей разборъ ея содержанія и бытовой стороны, кажется намъ, достаточно уяснилъ, что въ ней нельзя видѣть, какъ предполагаетъ акад. Веселовскій, «глухаго, невнятнаго отголоска» какого то южно-русскаго разказа, представляющаго въ свою

очередь передѣлку византійскаго
прототипа.

Всеv. Миллеръ.